

МЫ ЖИВЕМ в эпоху непримиримой борьбы идеологий коммунистической и капиталистической, и наш священный долг всеми силами утверждать красоту и правду идей Ленина! Утверждать искусством кино и театра, музыки и живописи.

Огромное впечатление произвело на меня выступление Никиты Сергеевича Хрущева на мартовской встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры. Вся его речь была устремлена в будущее, указывала нам, художникам, твердый и определенный путь. В связи с этим мне хочется поделиться некоторыми своими мыслями о театре.

В АВГУСТЕ 1942 года, когда фашисты стояли в каких-нибудь двухстах километрах от Москвы и дорога была каждая газетная строка, «Правда» напечатала пьесу А. Корнейчука «Фронт». Из номера в номер четыре дня подряд в очень трудное время первая газета страны отдавала целые полосы произведению сугубо не газетного жанра. Помню свои тогдашние впечатления от «Фронта». Пьеса воспринималась прежде всего как свидетельство страстных раздумий автора, напряженно ищущего причины трагических ошибок первых дней войны.

Пьеса не просто была полезна. Ее не только можно было печатать, ее необходимо было печатать на страницах «Правды», потому что она помогала воевать.

Вспоминаю этот факт двадцатилетней давности совсем не для того, чтобы еще раз отдать должное достоинствам пьесы Корнейчука.

Сегодня для меня важно другое, важно вспомнить эту необходимость, эту насущную потребность произведения всем нам в то время. Ощутимая общественная польза была заключена в этой пьесе, острая, почти газетная злободневность которой, стремительный отклик на события сочетались с серьезной ищущей мыслью, позволившей эти события обобщить и понять.

Я видел многие спектакли зарубежных театров. В разных странах, разных направлений и стилей.

ПОЭЗИЯ, ГЕРОИКА, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Евгений СИМОНОВ,
заслуженный артист РСФСР,
главный режиссер Малого театра

И, как правило, в лучших из них я находил ощутимые следы влияния нашего советского театра. Я слышал в этих постановках отзвуки гениальных прозрений и открытий Станиславского и его учеников. И каждый раз я испытывал чувство огромной гордости. Да, нам есть чем гордиться. Высокая культура нашего современного театра оказывает благотворное влияние на театральное искусство мира. Труды Станиславского стали настольной книгой всех крупнейших зарубежных режиссеров. Они, эти режиссеры и актеры, учатся у наших мастеров искусству глубокой психологической правды. Повторяю, нам есть чем гордиться. И все-таки в этой статье я буду говорить не о достижениях, а о недостатках, о том, что тревожит, тревожит настолько серьезно, что нельзя молчать.

Я не случайно вспомнил «Фронт» и историю его опубликования в «Правде». Это, действительно, была нужная, полезная пьеса, помогавшая нам сражаться в те суровые дни. Сегодня и время другое, и задачи другие. Но разве меньше они, эти задачи, и разве спал накал борьбы? А всегда ли мы, режиссеры и актеры, ставим такие пьесы, которые нельзя не ставить, как нельзя не говорить о главном в нашей жизни? Всегда ли драматурги наши пишут сегодня такие **нужные** пьесы или отдают свое умение и талант темам, проблемам, о которых можно говорить, а можно и не говорить?

МЫ ЧАСТО вспоминаем о великих традициях нашего театрального искусства. Публично со страниц газет и журналов, на своих собраниях и конференциях призываем быть верными этим традициям. Но всегда ли мы, действительно, бережливы по отношению к наследию, оставленному нам выдающимися художниками русского дореволюционного театра, советского театра? Достаточно ли полно представляем мы себе само понятие — традиции?

Меня, например, особенно тревожит, что при всем разнообразии и богатстве нашего сегодняшнего театра у нас недостает пьес гражданского, героического, публицистического звучания, таких, опубликование которых на первых страницах наших партийных газет не вызовет ни у кого недоумения. Сегодня незаслуженно забывается или почти забывается одна из важнейших ветвей театрального искусства — романтический театр. А ведь это тоже традиция, начавшаяся издавна, со времен Шекспира и Мочалова, и окрепшая, несказанно расцветшая в годы становления советского театра. Советский театр начинался и осознавал себя как театр именно героической темы, когда широкие исторические масштабы действия основывались на глубокой и волнующей правде личных переживаний, когда лучшие наши спектакли завоевывали себе признание героической тональностью, внутренней масштабностью содержания. У колыбели советского театра — такие спектакли, как «Любовь Яровая» Тренева, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского,

«Шторм» Билль-Белоцерковского, мощно выразившие смысл и устремления героической революционной эпохи. Нельзя представить себе историю советского театра без погодинской Ленинианы, «Города на заре» Арбузова, «Парня из нашего города» Симоннова или того же «Фронта» Корнейчука.

И как ни жаль, но сегодня приходится признаться: нам не хватает пьес, начало которым положил Маяковский. Театрам недостает произведений гражданской темы, пронизанных серьезными, философскими раздумьями о судьбе народа, о судьбах Родины. Нам нужны пьесы шекспировского, пушкинского масштаба. Я даже не могу выразить, как мы, режиссеры, ждем таких пьес. И бывает очень обидно, когда поэзия жизни, сам героический пафос наших дней не находят своего выражения в театре. Театр слабо отвечает тяге современника к поэзии, не дает поэтического осмысления и обобщения сегодняшней нашей действительности, которая сама по себе есть поэзия и героика.

Я ратую за поэтический, романтический театр еще и потому, что он во многом помогает решению проблемы освоения классического наследия на нашей сцене. В ином свете, с новой силой зазвучат тогда и Чехов, и Островский, которых я иначе и не представляю, как величайших национальных поэтов нашей Родины. «Вишневый сад» насквозь пронизан поэзией. Он ждет своего современного, сегодняшнего осуществления, и я вижу это осуществление в русле именно поэтического театра. Островского часто и несправедливо считают всего лишь бытописателем. Для меня он тоже большой поэт. Вспомним «Грозу». В самом названии драмы заключена образность шекспировской силы. А ведь мы почти не знаем поэтического решения Островского на сцене театра. Непростительно сегодня забыт Пушкин-драматург. До сих пор бытует мнение о неспешности его драм. А ведь само неумение играть Пушкина, очевидно, доказывает наше несовершенство. Уже этот факт должен натолкнуть нас на тревожные и серьезные раздумья.

Мне кажется, мы слишком увлекаемся маленькой правдой интимных пьес. Среди них немало по своему талантливых, они могут существовать в венке театра, но они не имеют права главенствовать.

Интереснейшие режиссеры Охлопков и Товстоногов одерживали победу именно тогда, когда они брались за осуществление произведений ярко выраженной гражданской темы, героического звучания, философской мысли, за произведения романтически-поэтического театра. Достаточно вспомнить «Молодую гвардию» Охлопкова, спектакль эпического размаха и мощи. Или «Оптимистическую трагедию» Товстоногова, заслуженно получившую первую Ленинскую премию по театру. В ней прозвучала тема великой ломки старого мира, тема героического созидания нового человека и души человеческой, мужавшей в огне революции.

В НАЫНЕСНЕМ сезоне мы отметили столетний юбилей Станиславского. Отметим торжественно, благоговейно, отдали дань любви и уважения великому реформатору театра. И именно сейчас, в юбилейный год, мне хочется еще и еще раз предостеречь: опасно, вредно относиться к Станиславскому как к памятнику, как к музейной драгоценности. Сегодня он должен быть с нами, живой — с живыми. Мы должны брать его учение в полноте и развитии и чаще задавать себе и ему вопрос: а как бы поступил он сегодня, что бы решил на нашем месте, каким бы был сам?

Дорогим и бесценным для меня в учении Станиславского является та его часть, где великий учитель говорит о «сверхзадаче» роли, иными словами, о том гражданском идеале, который должен вести героя в жизненной борьбе, раскрывать его нравственные и общественные устремления. Собственно, все учение Станиславского содержит требование гражданской устремленности художника, верности его героическому, народному началу в жизни и искусстве. Учение Станиславского — основа, начало. И плох тот ученик, который творчески не развивает учение своего учителя. Именно поэтому так ценил Станиславский Вахтангова, самого любимого своего ученика.

Всякий художник становится воистину мыслящим художником,

когда он не следует слепо и послушно той или иной системе, но когда он творчески перерабатывает лучшее, ценное, что было до него, когда он старается приобрести свое лицо, свою неповторимую, особую манеру. Я уверен, что все мы добьемся наибольшего успеха, если будем думать не только о том, чтобы сохранить традиции, но о том, чтобы развить их. Иначе театр становится музеем. И вот такой нетленной, драгоценной традицией кажется мне из века в век продолжавшееся служение нашего искусства, театрального искусства в частности, благородным общественным идеалам. Сегодня эти гражданские права и обязанности искусства велики и важны, как никогда. Сегодня мы подошли к тому времени, когда речь идет о переходе к самому справедливому и совершенному общественному строю — коммунистическому строю, когда партией поставлена задача воспитания человека, которому предстоит жить при коммунизме.

Одним из могущественных орудий нравственного воспитания является искусство, которое несет в массы великие коммунистические идеи, воспитывает высокие эстетические идеалы. Чтобы выполнить эту задачу огромной важности, наше искусство должно идти в ногу с временем, должно не только ставить на повестку дня, но и разрешать, но и философски осмысливать все основополагающие проблемы и вопросы наших дней, быть активным и равноправным участником всеобщего строительства, как и прежде, как и раньше, лучше, чем прежде, лучше, чем раньше, помогать народу, стране бороться и побеждать.